

В комнате на мгновение воцарилась тишина, слышны были только осенние цикады — то ли есть, то ли нет.

— Но у тебя сейчас нет лучшего места, не так ли? — Тянь Яо посмотрел на его ноги, которые только что смазал лекарством. — Если бы у тебя был выбор, ты бы, возможно, не докатился до такого положения.

Юй Ян посмотрел на него и был вынужден признать, что тот говорит правду. Люди Фэн Чжэ привезли его сюда, конечно же, чтобы вдоволь унижить, и только тогда уйти. Как мог у него быть выбор?

Но Юй Ян всё равно не раскрывал рта. Он замкнулся в себе, ни с кем не общаясь. Тянь Яо не был человеком спокойного нрава. Раньше, когда он жил дома, папа и маленький папочка вечно мучились от его шума. Потом они ушли из жизни, и Тянь Яо остался один. Когда хотелось поговорить — не с кем было, и он постепенно тоже угомонился.

А сейчас, когда в доме наконец появился человек, который мог его слушать, его было не остановить:

— Когда мы выходили от старосты, за нами всё время кто-то шёл. Это твои враги?

Юй Ян поднял на него глаза. Свет заката проходил сквозь тени деревьев, оставляя пятнистые блики, и заливал комнату. Глаза у Тянь Яо были очень ясными, словно родник, которого никогда не касалась пыль. Юй Ян по-прежнему молчал, только опустил голову.

— И что твоим врагам нужно: привезти тебя сюда, подговорить старосту, чтобы я забрал тебя домой? Чего они добиваются? — Тянь Яо никак не мог понять: если уж он враг — побить, или, ещё серьезнее, сразу убить — и делу конец, зачем же такие хлопоты, чтобы сосватать человека?

Только тут Юй Ян снова поднял глаза. Увидев эти глаза, он понял, что тот никогда не сталкивался с настоящим злом. И тогда он произнёс свои первые за сегодня слова:

— Потому что умереть — это самое простое. Жить — вот что самое мучительное.

Это Тянь Яо мог понять. Когда папа умер, маленький папочка каждый день страдал, а потом уже никакие лекарства не могли ему помочь. Когда он уходил, Тянь Яо чувствовал, что он был счастлив, только жаль, что перед Тянь Яо он был виноват.

Юй Ян сказал, что именно жизнь — источник всех страданий.

— Но лучше плохо жить, чем хорошо умереть, верно? — Тянь Яо усмехнулся уголком губ. — Ты голоден? Я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

Не дожидаясь ответа Юй Яна, он направился прямо в кухню.

Тянь Яо посмотрел на почти пустой чан с рисом — оставалось всего несколько зёрен — и вздохнул. Он и так собирался сегодня подняться в горы посмотреть, но, видно, не судьба. Хорошо ещё, что осталось немного муки.

Когда он жил один, он привык кое-как обходиться. Какая разница, упругая лапша или нет — лишь бы как-то сделал, и ладно.

Банка со свиным жиром была почти пуста. Он пошарил в кошельке — денег почти не осталось, и на фунт свиного сала не хватит, не то что на завтрашнюю свадьбу.

Он вернулся в комнату с миской лапши. Юй Ян всё ещё сохранял ту же позу, в которой был, когда Тянь Яо уходил, — ни на волосок не сдвинулся.

— Поешь лапши. Дома больше ничего нет. — Тянь Яо сел на кровать и с аппетитом принялся за лапшу.

Глядя, как он смачно ест, у Юй Яна дёрнулся кадык. Он взял миску, отхлебнул — и обнаружил, что, кроме вкуса самой лапши да лёгкого аромата свиного жира, в этой миске не было вообще никакого вкуса. Непонятно, как он вообще это ел.

Тянь Яо доел, посмотрел — в миске у Юй Яна почти ничего не тронут. Он собрал свою миску, взял из рук Юй Яна палочки и чашку, подумал, что тот, может, не совсем здоров, подхватил палочками лапшу и поднёс к его губам.

Но Юй Ян отвернул голову.

— Почему не ешь?

Юй Ян всё так же держал голову набок и больше не смотрел на миску у него в руках. Не ел, но и не объяснял.

Тогда Тянь Яо взял миску и разом умял всю лапшу, после чего удовлетворённо вздохнул.

Юй Ян: ...

Тянь Яо вытер рот:

— Не очень вкусно получилось? Но нельзя же выбрасывать.

Юй Ян потёр пальцами край одеяла и нащупал ту самую шпильку, которую принёс с собой.

— Я так думаю: те люди, что следят за тобой, уйдут только после того, как увидят, что твоя домовая книга приписана ко мне, и удостоверятся, что ты стал моим вошедшим в семью мужем. — Он снова вложил шпильку в ладонь Юй Яна.

Юй Ян и сам прекрасно это понимал. Тигр спустился на равнину,* и не было у него ни малейшей возможности переломить ситуацию.

— Так у тебя есть ещё родственники? — спросил Тянь Яо.

Юй Ян опустил глаза. Его родня по матери была далеко, в столице. А по отцу — три поколения подряд один сын в роду, давно уже он остался совсем один, без поддержки.

— Значит, лучший для тебя вариант сейчас — остаться здесь. — Тянь Яо загнул палец. — Я смогу тебя защитить.

Юй Ян посмотрел на его худощавое, тщедушное тело и не проникся этой фразой.

Тянь Яо взглянул на него:

— Я не только ради тебя.

Он с некоторой безысходностью сказал:

— Мне уже немало лет. Обычно гэры в моём возрасте давно уже стали отцами. Я не хочу, чтобы дальше обо мне говорили, что я не могу выйти замуж. Лучше уж я сам выберу того, кто мне по душе, чем соглашусь на кого попало. Я спасу тебе жизнь — а ты отплатишь мне, отдав своё тело в мужья.

Юй Ян хоть и молчал, но Тянь Яо чувствовал, что он обдумывает, осуществимо это или нет.

Тянь Яо продолжал:

— Или ты хочешь и дальше быть у своего врага под началом и влачить существование, которое хуже смерти?

— Меня зовут Юй Ян.

Хотя он только назвал свою фамилию, Тянь Яо уловил смягчение в его отношении и облегчённо выдохнул.

— Ты правда не голоден?

Вместо ответа у Юй Яна громко заурчало в животе.

Тянь Яо сдержал улыбку:

— Я приготовлю тебе что-нибудь другое.

Тянь Яо всегда был грубоват с самим собой. Но ради этого номинального мужа он пошёл в соседнюю комнату и нашёл там маленькую поваренную книжку, которую маленький папочка сделал для него перед смертью. Там было очень подробно расписано, как готовить много разных блюд.

Глядя на почти пустой чан с рисом, Тянь Яо отыскал рецепт рисовой каши с зеленью, нарисованный маленьким папочкой, сходил на маленький огород, отщипнул пару листьев зелени и сварил миску рисовой каши с зеленью.

Аромат клейкого риса и вкус самой зелени разбудили в Юй Яне ещё больший голод. Он отстранил руку Тянь Яо, сам взял миску и съел сваренную им кашу дочиста.

Видя, что он может есть, Тянь Яо немного успокоился и принялся тараторить:

— Дом действительно бедноват. Завтрашняя свадьба, боюсь, будет только для вида. Всё остальное на мне, а ты просто поправляй здоровье. Вот завтра всё сделаем, я пойду в горы, посмотрю, не попалось ли в ловушки, которые я поставил, каких-нибудь фазанов или зайцев. Принесу — откормить тебя. Если останется лишнее — отнесу на базар в посёлке, продам, выручу серебра, куплю тебе одежды или ещё чего, не ходит же тебе вечно в одежде моего папы.

Он говорил сам с собой, а Юй Ян смотрел на него, но мысли его были уже далеко.

Тянь Яо с детства любил слушать, как папа и маленький папочка болтают о всякой всячине — о какой-нибудь дикой фруктовой горе, о том, откуда родом чей-то муж в деревне. Но они ушли слишком рано, и Тянь Яо ещё не успел послушаться таких разговоров.

Ему было всё равно, ответит ему Юй Ян или нет — главное, что самому говорить было приятно.

Под болтовню Тянь Яо день постепенно затухал. Тянь Яо не мог остановиться — сходил наполнил доверху чан с водой, нагрел большой котёл воды и наконец вернулся в комнату с тазом.

Масляная лампа горела тускло. Юй Ян лежал с закрытыми глазами — непонятно, спал или был в сознании. Тянь Яо окликнул его, не дождался ответа, спустил его ноги с кровати и опустил в воду.

Ноги у Юй Яна не были безжизненными. В почти горячей воде они почувствовали приятное облегчение.

Тянь Яо снова сказал:

— Когда-нибудь выберу время, схожу с тобой в лечебницу, посмотрим, можно ли их ещё вылечить.

Юй Ян попытался выдернуть ноги, но Тянь Яо держал их крепко. Тогда он сел. В комнате было слишком темно, виден был только силуэт Тянь Яо.

Тянь Яо привык к его молчанию. Когда ноги достаточно отмокли, он вытер их, принялся массировать несколько точек на ногах и без всякой задней мысли сказал:

— Меня папа научил.

Юй Ян не хотел выставлять напоказ свои самые уязвимые места, но сейчас он был на положении «рыба на ноже, мясо на разделочной доске», и оставалось только смотреть, как его собственные ноги лежат на коленях у какого-то гэра. Однако он чувствовал, что после того, как Тянь Яо их массировал, появилась какая-то ноющая боль.

— Жаль, сейчас нет денег лечить твои ноги. — Тянь Яо массировал их с ровным усилием, надеясь, что так они поправятся хоть немного и в будущем их будет легче лечить.

Юй Ян только молчал в темноте. Он никогда не думал, что ноги ещё можно вылечить, и видел, что Тянь Яо действительно беден — даже кирпичный дом у него старый и ветхий.

— Сердце кровью обливается, когда думаю о своих деньгах. Я на них ещё хотел две комнаты пристроить. — Тянь Яо засунул его ноги под тонкое одеяло, сам вынес воду для мытья ног, затем умылся, затушил масляную лампу и встал у кровати раздеваться.

Сердце Юй Яна внезапно сжалось:

— Ты что делаешь?

Тянь Яо уже разделся до нижнего белья, постоял у кровати, подумал и переложил Юй Яна поближе к стене:

— Спать. Нет у меня другой кровати. Перебьёмся как-нибудь.

Он лёг рядом с Юй Яном, подложил руки под голову:

— И что завтра будет — неизвестно. — Потом повернул голову и посмотрел на его нижнюю половину. — У тебя сейчас по нужде не приспичило? Если что — скажи, боюсь, ночью меня не добудишься.

— Не нужно.

Тянь Яо перевернулся:

— Ну, тогда я спать.

Юй Ян не знал, что на свете бывают люди, которые засыпают так быстро. Как только он сказал «я спать», дыхание у него стало ровным, и он даже начал тихонько посапывать во сне.

Что этот человек мог так безмятежно уснуть рядом с тем, кого сегодня увидел впервые, — Юй Ян понял: слухи, значит, не на пустом месте выросли. Что касается его внешности — тут, конечно, преувеличили, но в остальном — довольно близко к истине.

В голове у Юй Яна проносились обрывки мыслей: то страшная картина казни отца с матерью, то унижительное зрелище, как люди Фэн Чжэ перерезают ему сухожилия, то плечи Тянь Яо — не очень широкие, но на удивление крепкие.

Сквозь дрему он почувствовал, как чья-то рука легла ему на грудь. Опустил глаза — Тянь Яо бессознательно перевернулся и спал себе дальше, безмятежно.

Юй Ян нахмурился, снял его руку с себя, с некоторым трудом перевернулся.

Осенняя ночь становилась прохладной. Он уже давно не спал на циновке в постели. От Тянь Яо исходило приятное тепло, и под одеялом было тепло. Юй Ян быстро уснул.

Тянь Яо каждое утро вставал рано. Сегодня под одеялом было особенно тепло. Открыв глаза, он увидел перед собой другое лицо. Подумал немного — ах да, этот человек — его будущий муж. Сегодня они поженятся.

Юй Ян спал очень крепко, и Тянь Яо, вставая, его не разбудил.

Как обычно, Тянь Яо умылся, пошёл в кухню, добавил к оставшейся муке немного кукурузной муки, поставил в пароварку пампушек. Сделал всё это — только-только начало светать.

Он не мог сидеть без дела: подмёл двор дочиста, прибрал разбросанные в беспорядке инструменты. Глядя на горы за домом, он прямо рвался туда.

Всё равно свадебный обряд проводится в сумерках. Может, он сейчас ходит в горы — можно же?

Подумал и передумал: а вдруг враги Юй Яна, пока его нет дома, явятся и обидят его? Надо хотя бы дождаться, пока эти люди уйдут, тогда и можно будет спокойно выходить из дома.

— Яо-гэр, встал?

Пришёл тот из деревни, с кем у Тянь Яо были хорошие отношения, — муж Чэня. Родом он был из фамилии Лю, звали его Лю Чжи. В этом году он недавно женился и переехал в деревню Хуайлин.

— Ты чего так рано? — Тянь Яо открыл калитку и впустил его внутрь.

— Говорят, у тебя сегодня свадьба, как же мне не прийти помочь? — Лю Чжи был человеком открытым и весёлым. Убедившись, что вокруг никого нет, он достал из кошелька полсвязки монет и протянул ему: — Знаю, что у тебя сейчас туго с деньгами. Сегодня свадьба — пусть и скромная, но ведь всё равно деньги нужны.

Тянь Яо не стал отказываться:

— Вот закончу с делами — сразу верну.

Лю Чжи не особенно заботило, когда он вернёт. Он спросил:

— А кто он такой? Почему так спешно жениться?

Тянь Яо только сказал ему, что у Юй Яна тоже нет ни отца, ни матери и у него повреждены ноги, а так они очень подходят друг другу.

Лю Чжи был болтлив, язык без костей:

— Ноги-то плохие. А как же постельные дела?

Тянь Яо, ничуть не стесняясь, с открытыми глазами врал:

— Ноги хоть и не годятся, зато у моего мужа поясница отменная. Я предложил самому потрудиться — так он ещё и не согласился!

п/п:

«Тигр спустился на равнину» (кит. 虎落平阳, hǔ luò píng yáng) — устойчивое выражение, означающее, что сильный и могущественный человек оказался в невыгодной, уязвимой ситуации, лишившись своих прежних преимуществ, и теперь его может обидеть даже тот, кто намного слабее (как тигр, попавший на равнину, где его могут травить собаки).

<http://bllate.org/book/17624/1640695>